

Алексеев Александр Борисович
Московский областной филиал Российской Академии народного хозяйства
и государственной службы
г. Красногорск, Российская Федерация
neausstatten@mail.ru

Консубстанциональные термины «политика», «политик» в политическом и масс-медийном дискурсах

Аннотация

В статье рассматриваются консубстанциональные термины «политика», «политик» и их функционирование в американском политическом дискурсе 2015–2016 гг. и в современном англоязычном индийском масс-медийном дискурсе. Установлено, что политика всё чаще превращается в политейнмент, т. е. не-серьёзный, развлекательный тип общения, в котором политики играют роли как «актёр», «шоумен», «звезда» и т. п. Причём традиционно характерные для политиков роли – вождя, лидера и т. д. – всё реже актуализируются в коммуникативном пространстве. Слова *политика*, *политик* приобретают отрицательные коннотации – эта тенденция прослеживается как в политическом, так и масс-медийном дискурсах. Политиков журналисты и, как ни парадоксально это звучит, сами политики обвиняют в бездействии, пустом говорении, нечестности, неискренности. В результате нередко даже вполне системные политики предпочитают идентифицировать себя в качестве не-политиков или нетипичных политиков, что может быть объяснено с позиций политической теории маргинальности и лингвополитологической, только ещё разрабатывающейся теории коммуникативной стратегии маргинализации. Дальнейшее изучение терминов «политика», «политик» предполагает включение в орбиту исследований не только больших массивов текстов или различных типов дискурса, но и рассмотрение данных лексем в диахроническом аспекте.

Ключевые слова: термин, политический дискурс, масс-медийный дискурс, СМИ, политейнмент

© Алексеев А. Б. 2022

Для цитирования: Алексеев А. Б. Консубстанциональные термины «политика», «политик» в политическом и масс-медийном дискурсах // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 20–33. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_20

Aleksandr B. Alekseev
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Moscow Region Branch)
Krasnogorsk, Russian Federation
neausstatten@mail.ru

Consubstantial terms ‘politics’, ‘politician’ in the political and mass-media discourses

Abstract

The article studies the consubstantial terms ‘politics’, ‘politician’ and their functioning in the American political discourse of 2015–2016 and modern Anglo-Indian mass-media discourse. It has been found that politics is often transformed into politainment, i.e. not serious, entertaining type of communication where politicians play such roles as ‘actor’, ‘showman’, ‘star’, etc. The actualization of traditional political roles of leader and head of the nation is gradually becoming rare. The words *politics*, *politician* are getting negative connotations, and this tendency is apparent in the political as well as mass-media discourses. Journalists, and no matter how

paradoxical it might seem, politicians themselves often blame politicians for doing nothing, just talking, being dishonest and insincere. As a result, it is not uncommon even for consistent politicians to say that they are either non-politicians or untypical politicians. This new trend can be explained in connection with the political theory of marginalization and the linguistic political theory, now only being formed, of the communicative strategy of marginalization. The further study of terms ‘politics’, ‘politician’ presupposes including not only more texts for analysis and more types of discourse but also viewing them diachronically.

Keywords: term, political discourse, mass-media discourse, mass-media, politainment

© Alekseev A. B. 2022

For citation: Alekseev, A. B. (2022). Konsubstantsional'nye terminy «politika», «politik» v politicheskom i mass-mediynom diskursakh [Consubstantial terms ‘politics’, ‘politician’ in the political and mass-media discourses]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 8 (1), 20–33. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_20

1. Введение [Introduction]

Универсального, общепризнанного определения понятия «термин» в лингвистической науке – нет, – но в рамках отечественного терминоведения сформировались, как минимум, две авторитетные точки зрения на это явление. Одни исследователи считают, что термины представляют собой лексические единицы, принципиально отличные от прочих языковых элементов. Другие – избирают функциональный подход, не без основания полагая, что «термин и нетермин ... совпадают по своей форме, но различаются по своим функциям» [Соколова, 2016, с. 18].

Основные вопросы, решаемые современными учёными-терминоведами, сводятся, по мнению М. А. Соколовой, к трём взаимосвязанным аспектам: проблеме многозначности терминов, проблеме неоднородности терминологий и проблеме консубстанциональных терминов [Там же, с. 12–13]. Причём консубстанциональные термины – слова, выражения, употребляющиеся как в профессиональной, так и непрофессиональной коммуникации, – вызывают наибольшую сложность для размежевания терминов и лексики общелитературного языка [Там же, с. 16].

Цель настоящей статьи продемонстрировать особенности употребления консубстанциональных терминов «политика» (*politics*, но не *policy*) и «политик» (*politician*) в двух типах дискурса – политическом и масс-медийном. Особый акцент делается на коннотативных аспектах использования данных лексических единиц, которые, маркируя профессиональный дискурс политологов и учёных, занимающихся междисциплинарным изучением политики¹, прочно входят в речи самих политиков и большинства журналистов. С точки зрения функционального подхода, ни в политическом, ни в масс-медийном дискурсах данные лексемы не являются терминами, скорее, это слова, входящие в общелитературный язык, как бы понятные для всех, но не имеющие строгого определения. В английской научной литературе по отношению к таким лексическим единицам используется обозначение *essentially contested concepts* [Collier et al., 2006, p. 214] 'принципиально спорные концепты'.

В. С. Бушин в своей книге отмечает интересный факт: в русском языке есть «слова, термины, выражения, которые, казалось бы, всегда несут только добрый смысл, только

¹ В качестве терминологических единиц слова *политик*, *политика* употребляются прежде всего в рамках политологии, но становление политической лингвистики – сравнительно нового междисциплинарного научного направления, призванного изучать политический дискурс, – а также в целом повышенный интерес учёных-гуманитариев к сфере политического, соотносимый с необходимостью более критического осмысления реальности (см., напр., книги С. Е. Эрлиха [Эрлих, 2012 а, б; Эрдели, 2016]), делают рассматриваемые термины, по сути, тоже междисциплинарными.

положительный заряд. Во всяком случае, именно так многие воспринимают, например, слово *писатель* или выражение *властитель дум*» [Бушин, 2006, с. 5]. Соглашаясь с этой точкой зрения, будет справедливо сказать, что имеются и лексемы, по шаблону, без малейшей попытки их критического осмысления наделяемые отрицательными коннотациями. В англоязычном дискурсивном пространстве политики и масс-медиа, как выясняется, слова *политика*, *политик* маркированы знаком «минус» – это объясняет, почему даже вполне системные кандидаты, претендующие на высокий государственный пост, – сенаторы, губернаторы и т. п. – предпочитают идентифицировать себя в качестве не-политиков или нетипичных политиков, избирая политическую, или, точнее, коммуникативную стратегию маргинализации [см. Сорокина, Алексеев, 2019, с. 384].

В то время, как учёные-гуманитарии прилагают усилия, чтобы осветить сложный, порой противоречивый феномен политики, быстро изменяющийся в условиях глобализации, повсеместного распространения компьютерных технологий, диагностируемой апатии граждан ко всему политическому [Baudrillard, 1983, p. 28] и неожиданным, почти непрогнозируемым всплескам их политической активности, в политическом и масс-медийном дискурсах слова «политика», «политик» используются иногда по принципу «вы же знаете, что я имею в виду» ('you know what I mean') [Hajer, 2005, p. 302].

Особенно заметно такое поверхностное отношение к анализируемым терминам в среде непрофессиональных политиков, а поскольку рассматриваемые терминологические единицы консубстанциональны, они постоянно применяются людьми из самых различных социальных сред, даже малообразованными гражданами. Излишне говорить, что повсеместная диффузия лексических единиц «политика», «политик» ведёт к их нежелательной многозначности, игнорировать которую не могут даже исследователи: «Непросто употреблять слово «политика», главным образом из-за того, что оно означает настолько разные вещи для разных людей» [Hudson, 1978, p. 1]. Причём, как верно отметил французский философ Ж. Ф. Лиотар, «даже самый обездоленный никогда не бывает лишён власти над сообщениями, которые проходят через него и его позиционируют, – будь то позиция отправителя, получателя или референта» [Лиотар, 1998, с. 45]. Это означает, что каждый человек, каждая языковая личность вносит в известной мере свой вклад в семантику языковых единиц, в их коннотативное содержание и правила их употребления².

Как свидетельствуют исследователи, в современном мире наблюдается американизация многих коммуникативных сфер, но прежде всего виртуальной (цифровой) [Галичкина, 2019, с. 98], идеологической [Фефелов, 2014, с. 41] и политической [Ünlü, 2015], в связи с чем можно предположить, что негативная презентация политиков во многом обусловлена коммуникативными изменениями происходящими в США, где обозначаемый нами семантический сдвиг – негативное / несерьезное изображение всего, что относится к тематической сфере «политика», вследствие которого рассматриваемые консубстанциональные термины все чаще получают негативные коннотативные оттенки значений – наиболее очевиден [Сорокина, Алексеев, 2019, с. 398–392]. В связи с вышесказанным, была сформулирована гипотеза исследования, согласно которой, на фоне апатии населения ко всему политическому и непрофессионального поведения ряда политиков, апеллирующих к обыденной картине мира, а не научным фактам, в выступлениях самих политиков и в средствах массовой информации ожидается большее количество негативных контекстов употребления консубстанциональных терминов «политика», «политик», чем позитивных.

² Здесь мы имеем в виду не столько сугубо языковые, сколько социокультурные правила использования языковых знаков, что соотносится с термином Л. Витгенштейна 'der Sprachspiel' в его широком значении.

2. Лексемы *политика*, *политик* в профессиональном дискурсе политиков и журналистов [Lexical units *politics*, *politician* in the professional discourse of politicians and journalists]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В качестве материала исследования были избраны 12 текстов политического и масс-медийного дискурсов, в основном англоязычных³, прежде всего по обозначенной уже причине американских, созданных в рамках избирательной кампании 2015–2016 гг. (6 речевых фрагментов, включающих жанры дебатов и выступлений кандидатов на митингах, средней продолжительностью 114 мин. каждый и 6 новостных передач / комментариев журналистов, средняя продолжительность каждого 30 мин.). Вместе с тем, преследуя цель подчеркнуть в известной мере универсальный характер происходящего семантического сдвига в употреблении лексем *политика*, *политик*, мы обращаемся одновременно и к современной индийской англоязычной дискурсивной практике, анализируем высказывания журналистов, работающих на телевизионном канале WION (англ. аббревиатура, обозначающая 'The World is One News', русс. 'Новости «Мир един»').

В ходе исследования применялись общенаучные и языковедческие методы. В числе первых – наблюдение, сравнение, описание, интерпретация. В числе вторых – критический дискурс-анализ, разработанный школой критической лингвистики, прежде всего Т. Ван Дейком, Р. Водак, Н. Фэркло (см, напр. [Fairclough, 1989]); элементы лингвостилистического анализа; контекстуальный анализ, представляющийся особенно актуальным в связи с поставленными задачами исследования, поскольку, по словам Г. А. Копниной, именно данный метод позволяет «сделать выводы об изменении коннотации слова в том или ином контексте и определить прагматическую функцию выявленных речевых фактов» [Копнина, 2020, с. 248].

Необходимо отметить, что в статье мы не делали особого акцента на использовании количественных методов, что объясняется проявленным интересом с нашей стороны не столько к вопросу, как часто употреблялись лексемы *политика*, *политик*, сколько к проблеме выявления их коннотативных значений в определённых коммуникативных средах, а именно политическом и масс-медийном дискурсах. Вместе с тем полностью обойти своим вниманием этот исследовательский аспект мы не могли, и поэтому в работе представляется процентное соотношение употребления рассматриваемых лексических единиц: мы группируем анализируемые высказывания по принципу отношения говорящего к политике и политикам, варьирующегося от положительного до резко негативного. Из общего количества отобранных методом сплошной выборки контекстов (около 80), как будет показано далее, около 2/3 характеризуется отрицательной категоризацией феномена политического.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Тенденция поверхностного, шаблонного восприятия лексем *политика*, *политик* характерна для политической коммуникации, характеризующейся очень высокой степенью манипулятивности⁴. Занимаясь преимущественно изучением американского политического дискурса, мы не раз констатировали, что политики всё чаще предпочитают идентифицировать себя в качестве не-политиков (этот неологизм образован нами по аналогии с англ. *non-politician*) [см., напр., Алексеев, 2017, 2018]. Приведём соответствующий пример и здесь:

³ Единственное исключение – высказывание В. Зеленского о политике, которое мы тоже приводим, поскольку оно вполне точно отражает отношение к политике и политикам, сложившееся уже во всем мире, возможно, не без влияния американского политического дискурса 2015–2016 гг.

⁴ Слова с размытой семантикой (напр., *демократия*, *справедливость*, *модернизация*), допускающие множество возможных научных и особенно ненаучных трактовок, регулярно применяются для манипуляции [Иссерс, 2009, с. 95].

Trump: *I left private business for public life. Do you believe I'm in public life – can you believe this? Am I a politician? I hope not. Because I understand that our country is in bad shape and needs to be turned around fast* (<https://www.youtube.com/watch?v=4OwggVdiU18>) – 'Трамп: Я бросил личный бизнес ради общественной деятельности. Вы верите, можете ли вы поверить, что я общественный деятель? **Неужели я политик? Надеюсь – нет.** Потому что я понимаю, что в нашей стране все плохо, и это надо исправить в ближайшее время'⁵

Данное явление нельзя трактовать, однако, исключительно в его привязке к американской политической коммуникации, поскольку оно наблюдается, например, и в политическом дискурсе ФРГ (подробнее см. [Алексеев, 2018]). Более того, в русскоязычном пространстве политического дискурса нами тоже обнаружены случаи самопрезентации политиков в качестве не-политиков, внесистемных, антисистемных кандидатов.

Зеленский: *У меня есть юридическое образование – и это плюс. Но у меня нет опыта работы в политике и это – жирный плюс [смех]. Хотя многие считают, что это минус* (<https://www.youtube.com/watch?v=RD2Wf9itjIw>).

Реплика построена на эффекте обманутого ожидания: употребляя противительный союз «но», В. Зеленский вводит в речь фразу «у меня нет опыта работы в политике», как будто это недостаток. На самом деле, оратор утверждает прямо обратное, хотя «объективности ради», и делает важную оговорку: нет однозначного мнения по вопросу, должен ли претендент на высший пост в стране быть политиком.

Представление политиком себя в образе не-агента политического дискурса может быть изучено с точки зрения политической теории маргинальности [Вафин, 2016]. Эта теория, на наш взгляд, востребована и в политической лингвистике, поскольку политическая стратегия маргинальности, описанная ещё российским философом А. Ю. Ашкервым [Кто сегодня делает философию в России, 2007, с. 19]⁶, по существу, является коммуникативной и осуществляется несколькими способами, включая модели «Я не-политик», «Я нетипичный политик», «Я женщина» и др. [Сорокина, Алексеев, 2019, с. 384–392]. Она соотносится с тем фактом, что «в современном меняющемся мире ... отдельные сообщества ... утрачивают прежние признаки идентификации» [Кравчук, 2019, с. 94], а значит, находятся в постоянном поиске новых форм самоопределения и самовыражения.

В научной литературе достаточно подробно описаны роли, которые призваны выполнять политики в обществе. Причём категорию «роль» надо рассматривать широко – как выбор стратегии поведения, а соответственно, и говорения. С традиционной точки зрения, политики призваны исполнять следующие роли: лидера [Hermann, 2002, p. 1], вождя, отца, учителя [Хазагеров, 2006, с. 25] и т. п. С другой стороны, современная политика всё чаще превращается в политеймент (от англ. *politics* и *entertainment*), т. е. несерьёзное, развлекательное общение, в котором собственно политическая составляющая редуцирована, а избираемые темы для обсуждения вращаются вокруг топосов (лат. *locus communis*) «внешность», «личная жизнь», «отношения» и т. п. В политейменте политик, по всей видимости, выступает в иных ролях, а именно: знаменитости [Rountree, 2013, p. 349], гламурной персоны [Holly, 2011, S. 228], актера, шоумена, «жесткого парня» (англ. *tough guy*). По свидетельству Дж. Лич, невежливость, прояв-

⁵ Здесь и далее перевод наш – А. А.

⁶ А. Ю. Ашкеров пишет следующее: «...маргинализация... является политической стратегией со своими маленькими и большими хитростями – иногда очень выгодной стратегией. Она, например, не предполагает ответственности, не связана с рутинной деятельностью... В итоге маргиналом оказывается не просто тот, кто не может быть никем другим, но тот, кто находит в этой возможности определённое удобство». И далее: «Эстетизация маргинальности как политического юродства связана с тем, что кому-то просто не предоставили клубного членства „во власти“ (или лишили этого клубного членства)» [Там же].

ленная в отношении третьего лица (не адресата!), часто способна развеселить аудиторию [Leech, 2014, p. 219].

Стратегии политейнмента требуют подробного изучения, а сами феномены развлекательной политики и политического развлечения нуждаются в научной рефлексии. По мнению А. Дернера, эти два термина – не одно и то же. К политическому развлечению автор относит ток-шоу (Talk-Shows), занимательные, но, как правило, необъективные фильмы о политике, содержащие все возможные конспирологические теории (Serien, Kriminalfilmen, Kinofilmen), криминальные романы, истории, базирующиеся на политическом сюжете (Polit-Krimis) и др. жанры. Возникновение и распространение этих и многих др. политических жанров немецкий учёный связывает со становлением не просто общества потребления, но и специфической культуры – медиальной, виртуальной культуры, основанной на вторичном переживании интересных моментов [Dörner, 2001, S. 45].

В большинстве случаев уважаемые, официальные СМИ не полностью трансформируют новостные программы в развлечение, но и они не могут воздержаться от представления политики как чего-то несерьёзного, лишённого смысла, возможно, ввиду того, что такая позиция им ближе всего.

If world politics were a soap opera, the United States would be a nosy judgmental neighbor. Its own house is in complete disarray but that doesn't stop Washington from judging others (<https://www.youtube.com/watch?v=kNP0rMv362g>) – ‘Если бы политика была *мыльной оперой*, Соединенные Штаты были бы в ней *любопытным, вечно осуждающим соседом. Его собственный дом в полном беспорядке*, но это не останавливает Вашингтон от того, чтобы осуждать других’.

Используя сослагательное наклонение (*If world politics were...*), журналист сравнивает политику с мыльной оперой (*soap opera*). С одной стороны, ведущий понимает, конечно, что политика – это не мыльная опера – и сослагательное наклонение как бы передаёт эту идею. Но, с другой, метафорический образ, продуцируемый в дискурсе (США метафорически уподобляются вечно осуждающему, сующему нос не в свои дела соседу – *a nosy judgmental neighbor*) явно не способствует рациональному осмыслению политики. Слово *политика* наделяется скорее субъективно-эмоциональным, чем объективно-рациональным содержанием.

Дискредитируя США, журналист в той же новостной программе подбирает другой яркий метафорический образ – проповедника, который готов читать нравоучения даже в горящей церкви.

Washington believes it is endowed with the sacred right to preach. It doesn't matter that the church is burning around it (ibid.). – ‘Вашингтон верит, что Бог даровал ему священное право читать проповедь. То, что *вокруг него горящая церковь*, никакого значения не имеет’.

В других новостных программах политика предстает изнурительным (*debilitating*) делом, а в условиях пандемии она, по утверждению корреспондента, пагубна (*deadly*), – имеется в виду, что якобы из-за бесконечных бессмысленных политических дискуссий умирают люди, не получающие вовремя медицинскую помощь:

Politics is debilitating in the best of times. In the pandemic, it can be deadly. The second wave is taking lives (https://www.youtube.com/watch?v=yOVfsbXBi40&ab_channel=WION) – ‘Политика – *изнурительное* дело в самые лучшие времена. В условиях пандемии политика может быть *убийственной*. Вторая волна уносит жизни’.

Эпитеты *debilitating*, *deadly* несут сильный эмоциональный посыл, программируют аудиторию на отторжение политики, политиков и всего политического.

Здесь можно провести параллели с американским политическим дискурсом 2015–2016 гг., когда кандидаты в президенты от Республиканской Партии заявляли о вредности, даже убийственности политкорректной риторики.

Cruz: *Political correctness is killing people* (<https://www.youtube.com/watch?v=YHYk0K7iszo>) – ‘Политическая корректность убивает людей’.

Претенденты возглавить США необоснованно утверждали, что «политический класс» уже объединился с четвёртой властью – СМИ.

Carson: *I'll tell you a secret – political class comes from both parties and it comes from all over the place. Ok? And it includes unfortunately even the media now* (<https://www.youtube.com/watch?v=ulsA8aFOkRs>) – ‘Я открою вам секрет: политический класс происходит из обеих партий⁷, и он происходит отовсюду. Так же? К сожалению, он теперь даже включает СМИ’.

В англоязычных индийских новостях такой ассимиляции политических и масс-медийных институтов не наблюдается. Напротив, журналисты активно осуждают политиков, отмечают, что они ничего не сделали хорошего, в частности критикуя их за попустительство по вопросу «спасения планеты».

Climate change is the punching bag of world politics. It is the footnote of every joined diplomatic statement. Think about it – when rivals can't find common ground, what do they do? They talk about climate instead. That's what China and United States are doing. They can't agree on anything. So they are discussing climate change. Same for Russia. ... What we are saying is very simple: politicians love to call themselves allies of nature. But can they unite to deal with climate change? And we ask this because their track record is not impressive (https://www.youtube.com/watch?v=JFWixGrc8KU&ab_channel=WION) – ‘Изменение климата – боксерская груша мировой политики. Этот вопрос включён в конец каждого совместного дипломатического заявления. Подумайте, когда противники не могут ни о чём договориться, что они делают? Они ведут разговоры о климате. Это то, чем занимаются Китай и США. Они не могут прийти ни к какому консенсусу. Они обсуждают климат. То же самое с Россией... Мы выражаем очень простую мысль: политики любят называть себя защитниками природы. Но смогут ли они объединиться, чтобы решить проблему изменения климата? И мы задаём этот вопрос, потому что послужной список политиков не впечатляет’.

Употребляя метафору (*Climate change is the punching bag of world politics the punching bag of world politics* – «Изменение климата – это боксерская груша для мировой политики»), вопросно-ответную форму подачи информации (...*what do they do? They talk about climate instead...*), риторические вопросы (*But can they unite to deal with climate change?*), журналист дискредитирует политиков, изображая их к тому же лицемерными людьми (*politicians love to call themselves allies of nature*), говорящими одно, а делающими – другое (*their track record is not impressive*).

Искусственно конструируемая в дискурсе оппозиция «говорить – делать» усиливается, когда корреспондент сравнивает две социальные проблемы – распространение коронавируса и изменение климата на планете. По её мнению, политики не могут справиться даже с требующей немедленного разрешения проблемой прогрессирующей коронаинфекции. Глобального же потепления для них вовсе не существует – они давно отложили этот вопрос «на потом»:

The call for social distancing was for individuals, not for countries. So we are back to the question: if the world could not unite against a deadly pandemic, can it join hands to fight climate change? You see the Wuhan virus is a pressing issue, people are dying today, now. Climate change, on the other hand, is a long-term problem. And we know how much politicians love the backburner. If it's not on their calendar, it is not a pressing matter. That's one reason why climate change is relegated to talking shops (https://www.youtube.com/watch?v=JFWixGrc8KU&ab_channel=WION) – ‘Призыв соблюдать социальную дистанцию от-

⁷ Имеются в виду две главные политические партии США – Демократическая и Республиканская.

носился к индивидам, а не странам. И так, мы снова возвращаемся к вопросу: если мир не может объединиться, чтобы остановить пандемию, может ли он бороться с изменением климата? Понимаете, вирус из Уханя – это неотложная проблема. Люди умирают сегодня, сейчас. Изменение климата, напротив, долгосрочная проблема. А мы знаем, как политики любят откладывать решение проблем на потом. Если вопрос не включён в их повестку дня, проблема не срочная. Вот почему изменение климата – это вопрос второстепенный, идущий после всех важных дел’.

Риторический эффект анализируемого текста достигается, прежде всего, за счёт противопоставлений (*was for individuals, not for countries; the Wuhan virus is a pressing issue ... Climate change, on the other hand, is a long-term problem*), риторических вопросов (*...if the world could not unite against a deadly pandemic, can it join hands to fight climate change?*), изменённых фразеологизмов (*love the backburner* – аллюзия на фразеологизм *put something on the backburner; talking shops* – использование фразеологизма *talk shop* во множественном числе). Ведущий обращается к пресуппозиции (*And we know...*), «доказывает», что политики неспособны сделать ничего полезного.

В этой связи нельзя не вспомнить один из лозунгов Д. Трампа “Politicians all talk, no action” (‘Политики только говорят, ничего не делают’), который был симптоматичен для дискурса большинства кандидатов, претендовавших на высшую должность в США.

Cruz: *You know, everyone here talks about the need to take on Washington. The natural next question is who actually has done so. Who actually has stood up not just to Democrats, but to leaders in our own party?* (<https://www.youtube.com/watch?v=wpCOloV3DZk>) – ‘Видите, *каждый здесь говорит о необходимости бросить вызов политическому истеблишменту в Вашингтоне*. Следующий закономерный вопрос: кто не отделял слов от дел. *Кто противостоял не только демократам, но, на самом деле, и лидерам в нашей собственной партии?*’

Т. Круз заявил, что «каждый говорит о необходимости бросить вызов Вашингтону»⁸, но задав риторический вопрос, поставил под сомнение честность и искренность своих коллег. Основная идея здесь имплицитована, но она вполне соотносится с утверждением Д. Трампа, что «Политики только говорят, ничего не делают».

В англоязычном индийском масс-медийном дискурсе политики дискредитируются также на основании настойчивого непризнания ими научных фактов, более того, вполне сознательного искажения этих фактов с целью заработать «политические очки».

...but let me put it this way: what if I told you that 60 percent people in the world believed the Earth is round. That still leaves 40 percent flat-earthers. You see, science is not a matter of opinion, it is based on facts. But politicians have used climate change to rally their support base. Donald Trump did it during his presidency, Jair Bolsonaro, Brazil, continues to do it in his country. Denying climate change has become a political strategy and scientists have not been able to bust these theories. – ‘...но позвольте мне, выразить эту мысль так: что если я бы сказала вам, что 60 процентов в мире верят: Земля круглая. Это означает, что 40 процентов по-прежнему живут на плоской Земле. Понимаете, наука – это не ваше мнение, наука базируется на фактах. Но политики прагматически использовали проблему изменения климата, чтобы объединять своих сторонников. Дональд Трамп делал это, когда был президентом. Жаир Болсонару из Бразилии продолжает это делать в своей стране. Отрицание изменения климата на планете превратилось в политическую стратегию, и учёные не смогли развеять эти теории’.

Употребляя неологизм *flat-earthers*, образованный с помощью словосложения (*flat* ‘плоский’ + *Earth* ‘Земля’), а также добавления суффикса *er*, в английском индицирующего какую-либо профессию или просто указывающего на агента действия, упоми-

⁸ Типичная стратегия маргинализации – стремление представить себя внесистемным кандидатом, готовым самым радикальным образом менять систему.

ная в качестве примера конкретных политиков (Д. Трамп, Ж. Болсонару), репортёр убеждена, что отрицание научно доказанного изменения климата на планете – политическая стратегия. Около 40% населения Земли и есть те *flat-earthers*, т.е. люди, не верящие в науку, живущие как будто наша планета – плоская. Они составляют, по мнению журналиста, главный электорат политиков-популистов, специально отказывающихся признавать происходящее глобальное потепление.

Точка зрения, что политики делают и говорят только то, что им выгодно (*politically expedient*), неоднократно высказывалась в ходе президентской кампании в США в 2015–2016 гг.

Carson: *Typically politicians do things that are politically expedient and they are looking for whatever their particular goal is* (<https://www.youtube.com/watch?v=Dkom8nLdqrU>) – ‘Обычно политики делают то, что **политически целесообразно, и они добиваются реализации своих конкретных политических амбиций**’.

Ср.: Carson: *It gives us a very good example of certain types of Washington ethics. Washington ethics basically says, if it's legal, you do what you need to do in order to win. That's not my ethics. My ethics is, you do what's right* (<https://www.youtube.com/watch?v=Nyl4xIVS-jw>) – ‘Это хороший пример вашингтонской этики. Вашингтонской этики. **Вашингтонская этика элементарно говорит нам: делай все, что необходимо, чтобы одержать победу.** Это не моя этика. Моя этика: делай то, что правильно’.

В приводимом примере Б. Карсон чётко противопоставляет этические принципы, которых придерживается он, не-политик, народный кандидат, и «Вашингтонскую этику». Последнее выражение употреблено 3 раза, в том числе в качестве отдельного номинативного предложения. В представлении республиканца, политики не остановятся ни перед чем, чтобы одержать победу.

В масс-медийном дискурсе политика не только может конструироваться как политеймент, но журналисты могут и рефлексировать по этому поводу.

Will Trump disappear from TV sets completely? Very unlikely, we say. This is one thing that we all agree on, I assume. Donald Trump is good television. We already miss him. People like to watch him. They want to know more about him (<https://www.youtube.com/watch?v=a4MHN1rrFLQ>) – ‘Исчезнет ли Трамп из наших телевизоров? Маловероятно, говорим мы. Думаю, мы все согласимся со следующим: **Дональд Трамп делает телевидение хорошим.** Мы уже скучаем по нему. Люди любят смотреть его. Они хотят знать о нем больше’.

Корреспондент обсуждает личность Д. Трампа, относясь к нему не как к политике, а шоумену, звезде, за чьей жизнью люди любят наблюдать.

Во время президентской кампании 2015–2016 гг. лидер Республиканской Партии активно создавал себе этот аполитичный имидж – имидж шоумена.

Trump: *I have broken more Elton John records, he seems to have a lot of records. And I, by the way, I don't have a musical instrument. I don't have a guitar or an organ. No organ. Elton has an organ. And lots of other people helping. No we've broken a lot of records. We've broken virtually every record. Because you know, look I only need this space. They need much more room. For basketball, for hockey, and all of the sports, they need a lot of room. We don't need it. We have people in that space. So we break all of these records. Really we do it without like, the musical instruments. This is the only musical: the mouth. And hopefully the brain attached to the mouth. Right? The brain, more important than the mouth is the brain. The brain is much more important* (<https://www.snopes.com/fact-check/trump-mouth-musical-instrument/>) – ‘Я побил больше **рекордов**, чем Сэр Элтон Джон. У него много **музыкальных пластинок**. У меня нет ни **гитары**, ни **органа**. Нет **органа**. Элтон выступает с **органом**. И много других людей помогают. Нет, мы **побили много рекордов**. Мы **фактически побили каждый рекорд**. Потому что, видите, мне нужно столько места. Им надо намного

больше места. Для *баскетбола*, для *хоккея*, для других *спортивных игр*, им нужно много места. Нам его не нужно. Мы заполняем это место людьми. Таким образом мы бьём все рекорды. Правда, мы делаем это без музыкальных инструментов. Вот единственный музыкальный инструмент: язык⁹. И надеюсь, мозг, управляющий работой языка. Так же? Мозг, мозг более важен, чем язык. Мозг намного более важен’.

Все выделенные слова и выражения относятся к семантическим полям «развлечение», «музыка» (*Elton John, records, a musical instrument, a guitar, organ, etc.*) или «спорт» (*break a record, basketball, hockey, etc.*). Политик непосредственно сравнивает себя с известным музыкантом Элтоном Джоном, утверждая, что он побил все рекорды, превзошёл британского исполнителя. При этом развлекательный эффект речи Д. Трампа достигается и за счёт употребления им языковой игры (language play): ряд лексем актуализированы одновременно в различных значениях (*record* 'рекорд' и 'музыкальная запись'; *organ* 'орган' и 'орган'). Синтаксис анализируемого фрагмента текста предельно простой: предложения короткие, – оратор использует парцелляцию, а ключевые идеи повторяются им несколько раз (*The brain, more important than the mouth is the brain. The brain is much more important*). Аудитория включена в «диалог», – этот эффект достигается не только обращениями к адресату, применением инклюзивного «мы» (*We don't need it. We have people in that space. So we break all of these records*), но и посредством вопросов (*Right?*).

Иногда Д. Трамп сравнивал себя с боксёром.

Trump: *...and it's a rigged system but I said, you know, let it be rigged. I talk about the boxers. I have a boxer, he's fantastic guy, sort of a friend of mine, he's a world champion and he goes into a very unfriendly territory. I said: what are you doing? If you have a good match, you'd go into the blues, you'd gonna lose the decision with bad judges. He said, Mr. Trump, the only way I have to knock this guy out, I have to knock him on the ass. And he did! And he picked up a big paycheck. So what we are doing we are going to win on the first ballot, we only care about the first ballot* (<https://www.youtube.com/watch?v=PumrY9VnYZk>) – ‘...и это мошенническая система, но я сказал, знаете, пусть она будет мошеннической. Я провожу аналогии с боксёрами. У меня есть друг-боксер, он прекрасный парень, чемпион мира, и он вступает на вражескую территорию. Я спросил: что ты делаешь? Если ты провёл хороший поединок, ничего еще не известно, с плохими судьями ты проиграешь решение. Он ответил, Мистер Трамп, только один способ – я должен нокаутировать противника, я должен хорошенько надавать ему по заднице. И он так сделал! И он сорвал большой куш. Таким образом мы победим в первом туре, нас интересует только победа в первом туре’.

Называя предстоящие выборы мошенничеством, Д. Трамп убеждён, что его единственный шанс победить – нокаутировать своих соперников. Политик рассказывает о своём друге-боксёре, чемпионе мира по боксу, который смог завоевать титул, несмотря на то, что судьи были предвзятыми. При этом говорящий употребляет разговорную лексику (*knock him on the ass, picked up a big paycheck, etc.*) и даже «спортивные» жаргонизмы (*go into the blues*). Разговор строится в диалоговой форме: основными участниками диалога являются Д. Трамп, боксёр и аудитория.

В индийском англоязычном масс-медийном дискурсе политика нередко презентуется в её крайностях и недоразумениях.

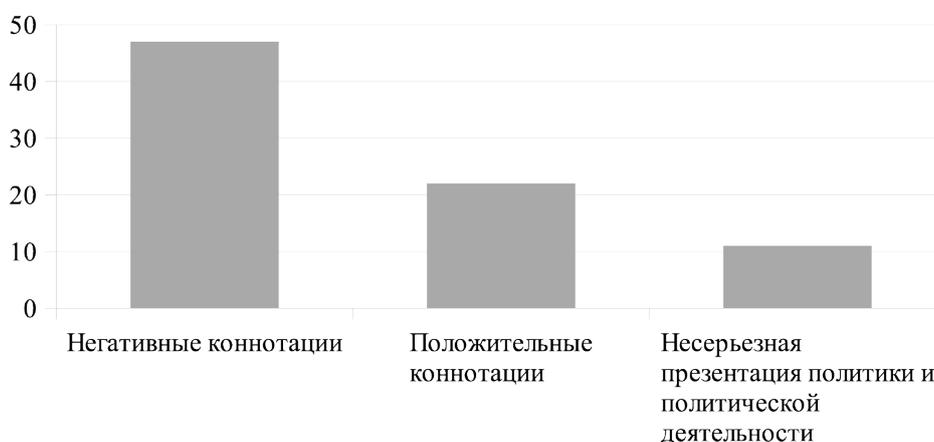
The Myanmar coup is playing out in London. The Burmese ambassador is locked out of the embassy by his staff. Britain's response? Hypocrisy and political correctness. And here's the other side of the spectrum: Turkey's Erdogan, the opposite of the politically

⁹ В оригинале *mouth* 'рот'. Но в русской языковой картине мира рот преимущественно, хотя и не исключительно, ассоциируется с едой, а не процессом говорения (ср. разжевывать и в рот класть, в рот не возьмешь, маковой росинки во рту не было, проносить кусок мимо рта, лишний рот и т. д.). Использование вместо слова *рот* – слова *язык* может рассматриваться как контекстуальное межязыковое соответствие [см. Тимофеева, 2020, с. 225].

correct. Two presidents visited his country. He had a chair only for the man – ‘Бирманский переворот разворачивается в Лондоне. Перед послом Мьянмы дипломаты закрыли двери посольства. Ответ Британии? **Политическая корректность и лицемерие. А вот другая сторона медали:** Эрдоган из Турции, прямая противоположность политкорректного политика. Два президента посетили его страну. У него был один стул только для президента-мужчины’.

С одной стороны, журналист осуждает лицемерие и политкорректность британского правительства, которое не в состоянии помочь послу из Мьянмы, лишившегося работы в результате военного переворота в его стране. Но с другой, она упоминает курьёзный случай, произошедший с неполикорректным президентом Турции Р. Эрдоганом: пригласив к себе двух президентов, – а одним из них была женщина – турецкий лидер имел в наличии только один стул. И этот стул был предназначен для президента-мужчины.

На основании проведённого анализа можно представить полученные данные и в числовом эквиваленте (см. рис. 1).

Р и с у н о к 1. Коннотативные значения консубстанциональных терминов «политика», «политик» в политическом и масс-медийном дискурсах

Таким образом, из полученных данных видно, что процентное сочетание отрицательных и положительных коннотаций примерно 1 : 3 в пользу неприятия политики.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование позволяет сделать следующий вывод: наблюдаемое в политическом и масс-медийных дискурсах поверхностное, стереотипное отношение к консубстанциональным терминам «политика», «политик» нельзя объяснить только тем, что политики и журналисты действуют в пределах не научной, а обыденной картины мира. Стоит допустить, что лексемы *политика*, *политик* приобретают отрицательные, не свойственные им коннотативные значения в связи с трендами растущей апатии населения к политике, американизации различных коммуникативных сред, превращения политического дискурса в политеймент, всё более активного включения в политику непрофессиональных политиков, в том числе, благодаря новым техническим возможностям, социальным сетям, видеоплатформе YouTube и т. д. Как следствие, отдельные случаи нечестного, неискреннего поведения политиков, получающие огласку, абсолютизируются, переносятся на всю социальную, профессиональную группу политиков, которых люди больше не любят.

Результаты проведённого исследования позволяют говорить о том, что лексемы *политика*, *политик* в политическом и масс-медийном дискурсах получают значительно чаще негативные (2/3 изученных контекстов), чем положительные коннотативные зна-

чения. Для достижения наиболее эффективного лингвопрагматического воздействия на аудиторию говорящие употребляют разнообразные стилистические средства – метафоры, эпитеты, сравнения и т. д. Среди основных способов, которые субъекты дискурса могут использовать для негативной репрезентации политической сферы, выделяются (1) дискредитация; (2) (само)маргинализация, т. е. обособление себя от всего политического; (3) несерьезная категоризация политики и деятельности её субъектов.

В качестве дальнейшего вектора изучения консубстанциональных терминов «политика», «политик» может послужить представление их в качестве сложных концептов (в связи с неоднозначностью трактовок самого понятия «концепт» мы не использовали его в данной статье), подверженных коннотативным изменениям, как с точки зрения диахронического, так, в сущности, и синхронического подходов.

Библиографический список

- Алексеев, 2017 – Алексеев А. Б. Маргинализация как стратегия политического дискурса деконструкции // *Политическая лингвистика*. 2017. № 6 (66). С. 51–58.
- Алексеев, 2018 – Алексеев А. Б. Особенности оппозиционного политического дискурса ФРГ // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2018. № 3 (30). С. 98–104.
- Бушин, 2006 – Бушин В. С. Неизвестный Солженицын. М. : Алгоритм, 2006. 448 с.
- Вафин, 2016 – Вафин А. М. Политические маргиналы в России и Европе: Лимонов, Фортейн, Кон-Бендит и другие случаи. М. : Изд-во «Канон+», 2016. 152 с.
- Галичкина, 2019 – Галичкина Е. Н. Типология речевых жанров сетевой компьютерной коммуникации // *Известия ВГПУ*. 2019. № 2 (135). С. 97–100.
- Иссерс, 2009 – Иссерс О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2009. 244 с.
- Копнина, 2020 – Копнина Г. А. Речевое сопротивление навешиванию политических ярлыков как способ защиты в информационно-психологической войне // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Т. 13. Вып. 11. С. 248–253. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.52>
- Кравчук, 2019 – Кравчук Ю. С. Некоторые особенности юридической терминологии «недвижимость» / “realty” // *Терминология: становление, развитие, функционирование* / под ред. С. И. Маджаевой. Астрахань : Изд-во Астраханского ГМУ, 2019. С. 93–113.
- Кто сегодня делает философию в России, 2007 – Кто сегодня делает философию в России: В 2 т. Т. 1 / под ред. А. С. Нилогова. М. : Изд-во Поколение, 2007. 576 с.
- Лиотар, 1998 – Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. СПб : Алетейя, 1998. 160 с.
- Ратмайр, 2013 – Ратмайр Р. Русская речь и рынок: традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М. : Языки славянской культуры, 2013. 456 с.
- Соколова, 2016 – Соколова М. А. Многозначность в английской политической терминологии (на примере консубстанционального термина power) : дис. канд. филол. наук : 10.02.04 ; МПГУ. М., 2016. 176 с.
- Сорокина., Алексеев, 2019 – Сорокина Э. А., Алексеев А. Б. Профессиональная языковая личность политика-маргинала как объект лингвополитологического изучения // *Терминология: становление, развитие, функционирование*. Астрахань : Изд-во Астраханского ГМУ, 2019. С. 369–401.
- Тимофеева, 2020 – Тимофеева А. А. Некоторые особенности межъязыковой передачи лингвистических средств выражения «сверхъестественное» (на материале британской литературы викторианской эпохи и ее переводов на русский язык) // *Язык в жизни человека и общества : материалы междунар. конф.* (Москва, 28–29 ноября 2019 г.). М. : МПГУ, 2020. С. 222–227.
- Фефелов, 2014 – Фефелов А. Ф. Расовые и расистские сигналы в детских романах Марка Твена в свете политкорректной правки // *Вестник НГУ. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2014. Т. 12, Вып. 2. С. 40–49.
- Хазагеров, 2006 – Хазагеров Г. Г. Партия, власть и риторика. М. : «Европа», 2006. 48 с.
- Эрлих, 2012 а – Эрлих С. Е. Утопия бесов. СПб : Нестор-История, 2012 а. 136 с.
- Эрлих, 2012 б – Эрлих С. Е. Бес утопии. СПб : Нестор-История, 2012 б. 150 с.
- Эрлих, 2016 – Эрлих С. Е. Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб. : Нестор-История, 2016. 552 с.

- Baudrillard, 1983 – Baudrillard J. In the shadow of the silent majorities and other essays. New York : Columbia University Press, 1983. 129 p.
- Collier et al., 2006 – Collier D., Hidalgo F. D., Maciuceanu A. O. Essentially contested concepts: debates and applications // *Journal of political ideologies*, 2006. N 11 (3). P. 211–246.
- Dörner, 2001 – Dörner A. Politainment: Politik in der medialen Erlebnisgesellschaft. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 2001. 272 S.
- Fairclough, 1989 – Fairclough N. Language and power. London : Longman Group, 1989. 259 p.
- Hajer, 2005 – Hajer M. Coalitions, practices and meaning in environmental politics: From acid rain to BSE // *Discourse Theory in European politics. Identity, Policy and Governance* / D. Howarth, J. Torfing (Eds.). London : Palgrave Macmillan, 2005. P. 297–315. https://doi.org/10.1057/9780230523364_13
- Hermann, 2002 – Hermann M. Assessing leadership style: A trait analysis. URL : <https://socialscience.net/docs/LTA.pdf> (дата обращения : 14.10.2017).
- Holly, 2011 – Holly W. Politische Inszenierungen. Guttenberg am Anfang vom Ende – ein audiovisueller Dementiversuch // *Mitteilungen des deutschen Germanistenverbandes*. 2011. Heft 3. S. 227–237.
- Hudson, 1978 – Hudson K. The language of modern politics. London : Macmillan Press, 1978. 167 p.
- Leech, 2014 – Leech G. The pragmatics of politeness. Oxford : Oxford University Press, 2014. 343 p.
- Rountree, 2013 – Rountree C. Venomous speech. Santa Barbara : Praeger, 2013. 459 p.
- Ünlü, 2015 – Ünlü Ç. Y. Amerikanvari Seçim Sonu Konuşmalarının Milli Bir Örneği Olarak ‘Balkon Konuşmaları’: 2014 Cumhurbaşkanlığı Seçimi Konuşması Üzerine Retoriksel Bir Analiz // *Galatasaray Üniversitesi İletişim Dergisi*. 2015. N 23. P. 67–95. <https://doi.org/10.16878/gsuilet.285313>

References

- Alekseev, A. B. (2017). Marginalizatsiya kak strategiya politicheskogo diskursa dekonstruktsii. [Marginalization as a strategy of deconstruction political discourse] *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 6 (66), 51–58. (In Russ.).
- Alexeyev, A. B. (2018). Osobennosti oppozitsionnogo politicheskogo diskursa FRG [Features of the German oppositional political discourse] *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki* [Actual issues of modern philology and journalism], 3 (30), 98–104. (In Russ.).
- Bushin, V. S. (2006). *Neizvestnyy Solzhenitsyn* [Unknown Solzhenitsyn]. Moscow : Algoritm Press. (In Russ.).
- Vafin, A. M. (2016). *Politicheskije marginaly v Rossii i Evrope: Limonov, Forteyn, Kon-Bendit i drugie sluchai* [Political marginals in Russia and Europe: Limonov, Fortaine, Con-Bendit and other cases]. Moscow : Kanon+ Press. (In Russ.).
- Galichkina, E. N. (2019). Tipologiya rechevykh zhanrov setevoy komp'yuternoy kommunikatsii. [Typology of speech genres of network computer communication]. *Izvestija VGPU* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2 (135), 97–100. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2009). *Rechevoe vozdeystvie* [Speech influence] : A coursebook. Moscow : Flinta Press ; Nauka Press. (In Russ.).
- Kopnina, G. A. (2020). Rechevoe soprotivlenie navesshivaniyu politicheskikh yarlykov kak sposob zashchity v informatsionno-psikhologicheskoy voyne [Verbal resistance to political labelling as a defensive means in information-psychological war]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 13 (11), 248–253. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.52>
- Kravchuk, Yu. S. (2019). Nekotorye osobennosti yuridicheskoy terminologii “nedvizhimost” / “realty” [Some peculiarities of legal terminology: “Nedvizhimost” / “realty”]. In S. I. Madzhaeva (Ed.), *Terminologiya: stanovlenie, razvitie, funktsionirovanie* [Terminology: Formation, development, functioning]. Astrakhan : Astrakhan State Medical University Press. (In Russ.).
- Nilogov, A. S. (Ed.). (2007). *Kto segodnya delayet filosofiyu v Rossii* [Who makes philosophy in Russia today]: In 2 volumes. Vol. 1. Moscow : Pokolenie Press. (In Russ.).
- Liotard, J. F. (1998). *Sostoyanie postmoderna* [The postmodern condition]. Translated from French by N. A. Shmatko. St Petersburg : Aleteyya Press. (In Russ.).

- Ratmayr, R. (2013). *Russkaya rech' i rynek: traditsii i innovatsii v delovom i povsednevnom obshchenii* [Russian speech and market: The traditions and innovations in everyday business communication]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Sokolova, M. A. (2016). *Mnogoznachnost' v angliyskoy politicheskoy terminologii (na primere konsubstantsional'nogo termina power)* [Polysemy in the English political terminology (The example of the consubstantial term “power”)] : PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow Pedagogical State University. (In Russ.).
- Sorokina, E. A., Alekshev, A. B. (2019). Professional'naya yazykovaya lichnost' politika-marginala kak ob"ekt lingvopolitologicheskogo izucheniya [The professional language personality of a politician-as-marginal as an object of the political linguistic study]. In S. I. Madzhaeva (Ed.), *Terminologiya: stanovlenie, razvitie, funktsionirovanie* [Terminology: Formation, development, functioning] (pp. 369–401). Astrakhan : Astrakhan State Medical University Press. (In Russ.).
- Timofeeva, A. A. (2020). Nekotorye osobennosti mezhyazykovoy peredachi lingvisticheskikh sredstv vyrazheniya «sverhyestestvennoe» (na materiale britanskoy literatury viktorianskoy epokhi i ee perevodov na russkiy yazyk) [Some features of rendering the concept “supernatural” (Based on the British literature of the Victorian epoch and its translations into Russian)]. *Jazyk v zhizni cheloveka i obshchestva* [Language in the life of man and society]: Conference Proc. (Moscow, November 28–29, 2019) (pp. 222–227). Moscow : MPGU Press. (In Russ.).
- Fefelov, A. F. (2014). Rasovye i rasistskie signaly v detskikh romanakh Marka Tvena v svete politkorrektnoy pravki [Dialectics of race and racism markers in ‘The Adventures of Tom Sawyer’ and ‘The Adventures of Huckleberry Finn’]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 12 (2), 40–49. (In Russ.).
- Hazagerov, G. G. (2006). *Partiya, vlast' i ritorika* [Party, power, and rhetorics]. Moscow : Evropa Press. (In Russ.).
- Erlih, S. E. (2012 a). *Utopiya besov* [The utopia of devils]. St Petersburg : Nestor-Istoriya Press. (In Russ.).
- Erlih, S. E. (2012 b). *Bes utopii* [The devil of utopia]. St Petersburg : Nestor-Istoriya Press. (In Russ.).
- Erlih, S. E. (2016). *Voyna mifov. Pamyat' o dekabristakh na rubezhe tysyacheletiy* [The war of myths. The memory about Decembrists on the millennium frontier]. St Petersburg : Nestor-Istoriya Press. (In Russ.).
- Baudrillard, J. (1983). *In the shadow of the silent majorities and other essays*. New York : Columbia University Press.
- Collier, D. Hidalgo, F., Maciuceanu, A. (2006). Essentially contested concepts: Debates and applications. *Journal of political ideologies*, 11 (3), 211–246.
- Dörner, A. (2001). *Politainment: Politik in der medialen Erlebnisgesellschaft*. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag.
- Fairclough, N. (1989). *Language and power*. London : Longman Group.
- Hajer, M. (2005). Coalitions, practices and meaning in environmental politics: from acid rain to BSE. In D. Howarth, J. Torfing (Eds.), *Discourse Theory in European politics. Identity, Policy and Governance* (pp. 297–315). London : Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230523364_13
- Hermann, M. (2002). *Assessing leadership style: A trait analysis*. Retrieved October 14, 2017 from <<https://socialscience.net/docs/LTA.pdf>>.
- Holly, W. (2011). Politische Inszenierungen. Guttenberg am Anfang vom Ende – ein audiovisueller Dementiversuch. *Mitteilungen des deutschen Germanistenverbandes*, 3, 227–237.
- Hudson, K. (1978). *The language of modern politics*. London : Macmillan Press.
- Leech, G. (2014). *The pragmatics of politeness*. Oxford : Oxford University Press.
- Rountree, C. (2013). *Venomous speech*. Santa Barbara : Praeger.
- Ünlü, Ç. Y. (2015). Amerikanvari Seçim Sonu Konuşmalarının Milli Bir Örneği Olarak ‘Balkon Konuşmaları’: 2014 Cumhurbaşkanlığı Seçimi Konuşması Üzerine Retoriksel Bir Analiz. *Galatasaray Üniversitesi İletişim Dergisi*, 23, 67–95. <https://doi.org/10.16878/gsuilet.285313>